

Александр Васильев с Дмитрием Бушеном (1893–1993), последним художником объединения «Мир искусства». Париж.

РЫЦАРИ РУССКОЙ ИГОЛКИ

«К нам приехал француз Александр Васильев»

Александр Васильев – коллекционер, театральный декоратор, историк моды и парижский корреспондент русского «Вога». Его книга «Красота в изгнании» вышла на днях в издательстве «Слово». Толстый альбом со множеством иллюстраций посвящен русским моделям и модельерам первой эмиграции.

Михаил Сидлин

СКОЛЬКО лет вы писали эту книгу?
– 10 лет!
– Как к вам пришел ее замысел?

– В один прекрасный день в Париже, в 82-м году, я познакомился с русской портнихой Натальей Петровной Балаговской, которая всю свою долгую жизнь проработала с иголкой в руках, зарабатывая очень тяжелым шитьем. Она шила платье и женское белье в доме у графини Адлерберг, а до этого в других домах. Ее сестра была манекенщицей в доме Итеб, ее звали баронесса Нина фон Гойен, и она стала мне рассказывать о том, как проходила ее работа. Все эти сведения были достаточно отрывочны, они не составляли общего целого. Постепенно благодаря моей дружбе с художником Эрте, с Мстиславом Валериановичем Добужинским (сыном художника Добужинского), с Дмитрием Дмитриевичем Бушеном (последним художником «Мира искусства») я стал складывать более полную картину, и только многие годы работы в библиотеках разных стран позволили мне найти те необходимые документы, журнальные статьи, фотографии, которые я в принципе хотел использовать в моей книге. Но качество журнальных репродукций, если их переснимаешь, достаточно плохое, и поэтому огромное количество времени было потрачено на поиски оригинальных фотографий, которые невозможно было найти. Я рассылал письма всем русским дворянам, которые дожили до нашего времени и родились до 1910 года, с целью узнать, были ли в их семьях представители знатных родов, которые работали для моды или для шитья, и многие из них откликнулись, помогли мне документами, письмами, воспоминаниями – постепенно я стал расширять свой круг знакомств, встречаться с самыми различными людьми от Гонконга до Нью-Йорка: я ездил и изучал этот предмет в Южной Америке, в Северной Америке, в Азии, в Европе – эта работа шла очень медленно, очень долго.

В конце концов моя рукопись была сдана в издательство «Слово», где она пролежала более двух лет, потому что люди не были готовы к подобной информации: ее отбирала и прорабатывала мой научный редактор Елена Беспалова, которая мне очень помогла разумным советом. Дальше я тесно работал с художником – господином Журавлевым, который помог мне отобрать иллюстрации не только по качеству, но также по формату, по другим критериям технического плана, с которыми я не был знаком, потому что я не выпускаю книги постоянно. И из 1500 иллюстраций я выбрал только 800 с лишним, которые вошли в эту книгу. Она, как отметила искусствовед Раиса Кирсанова, уникальна в том смысле, что такого труда никогда не было ни в России, ни в другой стране. Это же отмечает мой научный редактор, который постоянно работает в США, – Елена Беспалова. Я очень рад, что у книги хорошее будущее – будущее большой новинки.

– Французы замалчивают участие русских в создании высокой моды?

– Абсолютно! Моя книга готовилась для французского издательства «Адам Серо», которое не хотело публиковать ее по простой причине: французская национальная политика заключается в том, чтобы рекламировать французские дома моды или дома моды, созданные французами, в которых сейчас работают, скажем, англичане, как «Кристиан Диор» или «Живанши». К несчастью, к русской эмиграции всегда относились с пренебрежением, несмотря на высокие титулы людей, которые представляли ее в этом изящном труде. Тем не менее мне удалось пройти через многочисленные препоны, преграды, быть лично принятым многочисленными представителями самых родовитых семей нашего дворянства, которые не хотели со мной разговаривать, как с выходцем из советской России и продолжают эту политику. Самым большим успехом в этой книге является то, что у нее есть предисловие, написанное князем Николаем Романовым, что является высочайшим соизволением русской эмиграции к печати подобного труда. Все книги, написанные о русской эмиграции в Советской России, всегда критикуются в самой эмиграции – как написанные людьми, которые ничего в этом не понимают. И относятся к этому предвзято. Я думаю, что, будучи эмигрантом, я отнесся к русской эмиграции не предвзято, а с сочувствием – это очень важно.

– Может быть, существует предвзятое отношение среди потомков старой русской эмиграции к такому понятию, как «мода»?

– Князь Михаил Романов написал мне письмо, в котором он требовал изъять из книги одну фотографию его бабушки, которая была большой красавицей (я имею в виду Ольгу Валерьяновну Палей, княгиню Палей, супругу великого князя Павла Александровича), мотивируя тем, что он бы хотел, чтобы об его роде Романовых вспоминали как о рыцарях копыа, а не рыцарях иголки. И ему казался неприятным сам факт воспоминания того, что Романовы, в частности, великая княгиня Мария Павловна, Ирина Александровна Романова (в замужестве княгиня Юсупова) работали для моды. Это казалось им несколько унижительным. Тем не менее множество Романовых зарабатывали на жизнь в эмиграции именно этим. В частности, супруга великого князя Гавриила Константиновича, княгиня Романовская-Стрельнинская, держала дом моды. Этот факт в семье Романовых являлся табу. Но я пишу не только о них: я пишу очень много о Трубецких, об Оболенских, о Воронцовых-Дашковых, о Голицыных, о Юсуповых – это не было их призванием, это не было их выбором: они не хотели заниматься модой, но, увы, эмиграция сложилась таким образом, что им надо было зарабатывать на жизнь. Многие из этих людей одевались до революции в больших домах моды, имея крупные средства. Зарабатывать на жизнь за границей было очень трудно, но прирожденный вкус, а также возможность общения с большими домами моды до

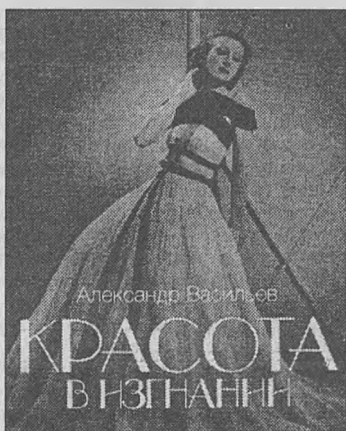
(Окончание на стр. 5)

РЫЦАРИ РУССКОЙ ИГОЛКИ

(Окончание. Начало на стр. 1)
революции позволила им благодаря их звонким титулам создать дома, которые с успехом просуществовали несколько десятилетий.

– Участие русских манекенщиц, топ-моделей в показах сейчас санкционирует эту старую историю русских домов моды между двумя войнами?

– Отчасти оно подтверждает большой интерес в кризисные эпохи к русской красоте: я написал в последнем номере «Вога» статью о русских красавицах. Я думаю, что их выбор вовсе не связан со славянской внешностью: их держат вовсе не за то, что у них славянские скулы, а из-за того, что сегодня в моде блондинки с голубыми глазами. Свежесть лица и кожи у русских – северная, более выигрышная под объективом аппарата. Многие из этих русских поменяли свои имена: они называют себя Анжелика или Колетт; многие агентства даже не подозревают, с кем имеют дело, – в них нет русского начала. Их берут потому, что они хороши, но не потому, что они русские, – и это очень важно. В то время как после революции в основном манекенщиц брали за то, что они были урожденные дворянки, и, публикуя фотографии в 20-е годы, большие журналы и большие дома моды снабжали это подписями: «Княгиня Белосельская-Белозерская в платье от Шанталь». И, таким образом, их титул ценился часто выше, чем их внешние данные. В 30-е годы, когда произошло признание Советской России,

ситуация полностью изменилась. Изменилась внешность. Брали девушек часто неродовитых фамилий: в частности, Людмилу Федосееву, которая стала топ-моделью, или, скажем, Нюсю Ротванд, или, скажем, Лидию Зеленскую только за то, что они были очень привлекательными и обладали голливудской красотой, гламурностью.

– Вторая волна русской эмиграции уже не дала женщин для домов моды?

– Это неизученный факт. Никто никогда не изучал, работала ли вторая эмиграция в области моды. Это факт, который еще подлежит изучению.

– А как относились французские историки моды к вашим занятиям?

– С огромным интересом. В парижском Музее моды и костюма – во дворце Галлиера – с нетерпением ждут моей книги, и все парижские музеи моды, так же, как и Музей Виктории и Альберта в Лондоне, ждут публикации этой книги, потому что она считается уникальным справочным документом, в котором описываются дома, о которых никто ничего не знает. Нету ни одного издания в мире, в котором бы так полно были описаны или даже упомянуты те дома, о которых я пишу здесь: такие дома, как Эри, Тао, Итеб, Кетми, Ирфэ, просто не имеют ни иконографии, ни исторической хроники. Это первая хронология, которая вообще была создана. И, конечно, я уверен и надеюсь, что по моим стопам пойдут другие и будут изучать этот предмет больше и, может быть, найдут еще больше, чем нашел я: я буду счастлив, потому что меня удивляет, что такая огромная страна, как Россия, не породила еще до меня ученого или искусствоведа, который просто занялся бы этим предметом. Может быть, потому, что его можно было изучать только вдали от родины. Здесь таких документов нельзя было бы найти.

– А много ли подписных платьев русских домов вы нашли?

– Достаточно много: в Музее Виктории и Альберта, в Париже во дворце Галлиера – в Музее моды и костюма, в Музее Метрополитен. Несколько платьев хранится в моей коллекции, в которой больше 500 платьев эпохи. И несколько платьев я нашел в коллекции американского коллекционера Билли Боя. Это было очень приятно: я с удовольствием сфотографировал их и использовал.

– Я знаю, что вы начали собирать коллекцию довольно рано – в 15 лет. Какова она сейчас?

– Моя коллекция очень обширна: я собрал много портретов, связанных с миром моды

XVIII – XIX веков. В своем доме в Литве я собираю вещи XX века, в своем доме в Париже я собираю вещи более старинные. Мне интересно было это собрать. Это было очень не просто финансово, потому что я не миллионер, хотя я прилично зарабатываю. Мне было очень не просто территориально разместить свою коллекцию: было немного места, а костюмы очень хрупки. Несмотря на ту квартиру, которую мне выделил мэр Парижа, а теперь президент Жак Ширак, мне не хватает места, и я мечтаю о создании собственного музея.

– Вы думаете о создании такого музея в Москве?

– Не думаю. Я не думаю, что Москва сегодня, с ее экономическими проблемами и нестабильной ситуацией, интересуется Музеем моды: вообще стыдно, что в России – я хочу поднять этот вопрос! – не существует ни одного музея, который бы собирал коллекцию платьев XX века. XX век закончен: гениальная коллекция Исторического музея обрывается на 17-м году, и потом около 30 платьев 20–30-х годов. Но никто не собирает вторую половину века. Никто не собирает аксессуары. Никто не собирает документальные фотографии. Есть, скажем, коллекция Елены Супрун, которую я видел только в фотографиях, но лично не имел счастья смотреть. Тем не менее в России необходим Музей моды. Но мне кажется, что в Литве мне будет легче создать подобный музей из-за того, что страна очень маленькая, не располагает такими культурными сокровищами, какими располагает Россия.

– Каким образом вам удалось собрать всех тех людей, какие были собраны в вашей книге? Это была цепочка?

– Это была цепь, и это было прочесывание адресной книги русского дворянства, церковей. Я приезжал в Константинополь, бросал клич в приходе и спрашивал после службы: есть ли среди прихожан люди, которые занимались модой. Я ездил в Харбин и искал, есть ли там русские: православная церковь является единственным местом, которое спланирует сегодня первую русскую эмиграцию, и это единственное место, где можно с ней познакомиться.

– Как идет ваша работа в качестве театрального декоратора?

– В Мексике я оформил в Большом театре оперы и балета «Дон Кихота» в постановке Каролины Лорки, французского хореографа. После этого я еду в Большой театр Варшавы, в Польшу, где я буду делать декорации и костюмы к балету, который называется «Три мушкетера» – на музыку Верди, в постановке французского хореографа Андрея Праковского, родившегося во Франции от русских родителей в 39-м году. После этого я еду в Королевский балет Бельгии, где я буду готовить «Спящую красавицу». Вот это три мои премьеры, которые будут затем сопровождаться другими постановками.

– Ваша коллекция и собранный вами исторический материал помогают в вашей работе?

– Очень. Особенно над костюмами, потому что с точки зрения вкуса я почерпнул очень многое: я почерпнул то, чего я не знал, я увидел, как можно работать с модой, как можно работать с тканью, как можно работать с цветом. И сегодня меня берут во всем мире как парижского создателя костюма – не как русского. Мексиканские газеты пишут: «К нам приехал француз Александр Васильев». Никто меня за границей уже за русского не держит: только потому, что мой вкус стал более рафинированным. Я не хочу сказать, что здесь нет людей со вкусом, но общий фон России все-таки кичливый. И избавиться от него очень трудно. И именно вот эта абстракция от российской действительности позволила мне создавать то имя, которое я себе создал, и тот успех моей работы, которым она сопровождается.

– Русская мода в Париже между двумя войнами выработала свой особый взгляд, особый вкус?

– Огромный! «Русские дали Парижу шик», – так утверждала манекенщица Мона Аверьяна. Она совершенно права. Если вы сравните вкус эпохи ар нуво и вкус ар деко 20-х годов, когда приехали русские, – он совершенно изменился. Русские дали чувство элегантности, которого до приезда русских французы не знали. Они дали петербургский шик, который очень сильно выражался в фотографиях, и вы все это увидите в книге. Я уверен, что 90 процентов всех фотографий не были никогда опубликованы в России. Иллюстрации – невиданные, их просто никто никогда не видел. И это все оригиналы.